

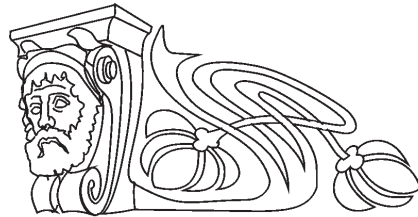

УДК 159.9:316.6

МОДЕЛЬ ФАКТОРОВ ПРИВЕРЖЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ

С. В. Фролова

Фролова Светлана Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры консультативной психологии, Саратовский государственный университет
E-mail: frolovasv71@mail.ru

Автором статьи предлагается системная модель факторов приверженности личности социальной общности страны, ключевым из которых рассматривается ментальное социально-психологическое пространство, представленное образной сферой и значащими смыслообразующими переживаниями. В качестве одного из важных показателей приверженности социальной общности вводится понятие уровня социальной интегрированности образной сферы личности и описывается образно-ассоциативный тестовый и математический инструментарий его определения. В работе приводятся данные эмпирической проверки гипотезы с использованием образно-ассоциативного теста о взаимосвязи приверженности личности социальной общности с уровнем социальной интегрированности образной сферы.

Ключевые слова: приверженность социальной общности, социально-психологическое пространство личности, уровень социальной интегрированности образной сферы, значащие переживания, эмиграционные намерения.

Ускорение темпов изменений и возрастание социальной мобильности в современном мире ставит новые вопросы перед психологической наукой, в частности: почему люди стремятся попасть в одни социальные группы и выйти из других; от чего зависят привлекательность социальной общности для человека и его приверженность ей?

Понятие приверженности личности социальной группе остается еще недостаточно полно проработанным и уточненным в социальной психологии, хотя уже имеет свою историю. В первой половине XX в. в английской психологии начинает использоваться словосочетание «organizational commitment» для обозначения устойчивой привязанности работников к своей компании. В качестве более широкого значения понятия «commitment» понимается привязанность индивида к некоему образу действий, лицу или группе. Многие современные исследования приверженности берут свое начало с работы Г. Беккера [1], который предположил, что привязанность к новому образу жизни возникает постепенно и порой незаметно для самого человека через последовательность «попутных ставок» (side bets) или вложений, совершаемых в процессе взаимодействия с группой. В качестве синонимов приверженности в отечественной психологии

используются «верность», «преданность» [2], «включенность» [3] личности в группу.

Наиболее обстоятельной попыткой объяснения формирования приверженности человека группе является трехкомпонентная модель преданности, включающая аффективные (аттиюдинальные), поведенческие и нормативные элементы, предложенные в организационной психологии [4]. Современные тенденции в изучении приверженности группе характеризуются стремлением к объединению сильных сторон различных подходов, совершенствованием измерительных инструментов и попытками разграничить преданность работе, профессии, карьере, организации, группе [5]. Несмотря на столь широкий диапазон изучения данной предметной области, актуальная сегодня проблема приверженности гражданской общности или своей стране пока еще не получила должного научного внимания.

Целью нашей работы явилось построение модели факторов приверженности человека социальной общности своей страны и эмпирическая проверка ее функционирования на примере образования эмиграционных намерений. Под социальной общностью понимается «совокупность людей, объединенная исторически сложившимися, устойчивыми социальными связями и отношениями и обладающая рядом общих признаков (черт), придающих ей неповторимое своеобразие» [6, с. 437]. Одним из видов социальных общностей является общность представителей одной страны.

На наш взгляд, психологическая приверженность социальной общности является когнитивно-эмоциональным динамически целым образованием, выраженным в субъективных представлениях индивида о ценности для него данной группы, ее привлекательности (социальной аттракции), перспективности в удовлетворении его ведущих потребностей. Приверженность человека своей стране как социальной общности является обратной стороной миграционного поведения и может быть рассмотрена как один из показателей прогнозирования социальной мобильности индивидов.

Последние десятилетия проблема миграции становилась объектом научного внимания психологов разных стран [7–9]. Наши исследования показали на существование особого интереса молодого поколения к построению своих жизненных и карьерных стратегий через эмиграцию [10]. Поскольку капитал «вложений» в социальную (гражданскую) общность в юном возрасте еще слишком мал, сдерживающие мотивационные факторы для того, чтобы остаться в своей стране вопреки возникшему желанию уехать, еще не получили явного развития. По этой причине поведенческая модель приверженности личности социальной общности не вполне соответствует объяснению эмиграцион-

ных намерений молодежи и прогнозированию их осуществления. Ограничение рассмотрения приверженности своей стране только лишь аффективными или нормативными компонентами также не способно создать целостное представление. Наиболее адекватная и полная объяснительная модель приверженности социальной общности, способная осуществлять прогностические функции, может быть построена с опорой на системный подход [11] и синтез методологии индивидуализма и социологизма в социальной психологии. В качестве основных компонентов системной модели факторов приверженности личности социальной общности могут быть выделены следующие (рис. 1).

Рис. 1. Системная модель факторов приверженности человека социальной общности

Социокультурная ситуация способна быть детерминантой характеристик личности и группы, взаимодействия между ними, а также обуславливать степень привлекательности социальной общности для индивидов. Психологию человека во многом определяет характер эпохи. К социокультурным особенностям современности можно отнести такие макросоциальные изменения, как нарушение наследования традиций,

глобальную информатизацию, ускорение темпов технического развития, влекущее за собой быстрые социальные перемены, доминирование индивидуалистских тенденций и формирование установок эгоистического потребительства [12], возрастание мобильности, выражающееся, в частности, во всевозможных формах миграции.

Патрик Дж. Бьюкенен понимает миграцию как главную проблему современной эпохи, свя-

занную с экзистенциальным кризисом цивилизации, симптомами которого являются разложение морали и презрение к старым ценностям [13]. По мнению Э. Тоффлера, «никогда еще отношения человека с местом проживания не были столь хрупкими и недолговечными», поскольку в стремлении адаптироваться к ускорению темпов глобальных перемен порождается новая психология мигрантов, испытывающих притягательность изменений и быстрого жизненного ритма [14].

Личностные характеристики человека, такие как ведущие потребности и мотивы, характерологические особенности, ценности и отношения, жизненные ориентации, диспозиции и установки, целостный образ «Я», стратегии совладания с трудностями, могут прямо или косвенно определять приверженность группе или социальной общности. Например, наши исследования показали, что молодые люди, желающие эмигрировать, обладают более индивидуалистски ориентированной ценностной сферой и чаще других используют такие стратегии совладания с трудностями, как «конфронтация» и «бегство-избегание» [15].

Характеристики группы (социальной общности), в частности, нормы, ценности группы, ее материальные и нематериальные ресурсы также могут участвовать в процессе становления приверженности ей индивидов. Ценности, доминирующие в социальной общности, могут совпадать с ценностями личности или противоречить им; группа может обладать ресурсами, потенциально способными удовлетворить значимые потребности личности, или испытывать дефицит в них. Степень привлекательности социальной общности для личности может обуславливаться физическим (антропо-биологическим) сходством индивида с представителями данной группы, представлениями об их социальной, экономической, профессиональной, личностной успешности; соответствием между индивидуальной и групповой системами ценностей. Притягательность общности связана с условиями жизнедеятельности (экономическими, социальными, культурными, климато-географическими, природными). Как показали наши исследования [10, 15], молодые люди с эмиграционными намерениями часто полагают, что другая страна способна обеспечить их лучшими социально-бытовыми условиями, более высокой заработной платой, а также уверены в том, что люди за рубежом обладают более высоким уровнем культуры поведения и являются носителями особых традиций.

Очевидно, что не сами по себе характеристики социальной общности определяют приверженность ей человека. Они преломляются сквозь его систему субъективных представлений, ценностей и отношений, организуя особый

элемент картины мира – социально-психологическое пространство личности, способное выступать системообразующим элементом в модели факторов приверженности социальной общности.

Социально-психологическое пространство личности – это ментальное пространство, в котором социальные объекты, в том числе группы и социальные общности, преломляясь сквозь мир индивидуальных ценностей, отношений и смыслов, выстраиваются (формируются) субъектом в систему позитивно, нейтрально или негативно значимых объектов или явлений, находящихся в специфических связях друг с другом [16]. Значимые объекты или явления социально-психологического пространства могут и существовать, и не существовать в реальном мире, могут только мыслиться, представляться субъектом в его будущем, но при этом реально участвуют в регуляции и программировании поведения.

Привлекательность социальной общности (в том числе и страны желаемой эмиграции) может быть обусловлена представлениями о социальной, экономической, профессиональной, личностной успешности ее членов, надеждами на удовлетворение в ней доминирующих потребностей и освобождение от прежних обязательств и трудностей, ожиданиями быть принятым в ней.

Функционирование социально-психологического пространства личности может быть описано развитием взаимодействий двух основополагающих его подсистем: 1) образной сферы (системы представлений, вторичных образов), включающей наряду с другими компонентами обобщенные образы групп и социальных общностей, в отношении с которыми вступает человек [17]; 2) мира значащих переживаний, выступающих в разнообразных формах эмоций, участвующих в создании и преобразовании определенных субъективных значений (смыслов) воспринимаемых элементов среды [18].

Современный человек живет в условиях поликультурной и этнически мозаичной среды [19]. Образная сфера личности, формирующаяся в таком окружении, будучи преимущественно отражением внешней реальности, сама может рассматриваться как поликультурная и этнически мозаичная. В содержании образной сферы личности обязательно присутствуют как образы своей социальной общности, так и образы общностей других стран. Некоторые образы интегрируют личность с ее реальной социальной средой, другие – разобщают (дифференцируют) с ней.

Важным внутренне опосредствующим фактором запечатления и последующего регулирующего влияния вторичных образов, способных выполнять социально интегрирующую или дифференцирующую функцию, является их эмоционально значащее переживание субъектом

[18]. Именно эмоционально значимо пережитые образы приводят к открытию и постижению новых субъективных значений воспринятых субъектом явлений и формируют ядерные структуры образной сферы личности, обуславливая ее жизненную направленность, планы и стратегии.

Положительно значимо пережитые образы восприятия социальной общности будут осуществлять функцию интеграции человека с ней и способствовать развитию приверженности данной общности. Функцию дифференциации человека и общности могут нести негативно значимо пережитые образы восприятия данной социальной общности, а также положительно значимо пережитые личностью образы иных социальных общностей.

Исходя из данного понимания функционирования социально-психологического пространства личности, которое организует опыт взаимодействия человека с его социальной средой и различными социальными группами, определяющим фактором приверженности личности социальной общности будет являться преобладание в образной сфере положительно значимо пережитых образов восприятия и представления данной общности.

Для формирования приверженности своей стране значительную роль будут иметь те образы, которые человек воспринимал с раннего детства, и то, какой эмоциональный след они оставили. Восприятие и познание современным человеком как своей страны, так и зарубежья сопровождается многочисленными экранными образами и социальными представлениями, которые не всегда отражают реальность, поскольку пропущены через картину мира и ценностную сферу их создателей и носителей. Транслируемые экранные образы и социальные представления не просто доступны, но и порой обрушиваются на человека неконтролируемым потоком. Наряду с этим восприятие и переживание архетипических, сказочно-мифологических образов, природных и культурных символических, закрепленных в коллективном бессознательном своего народа и интегрирующих с социальной общностью своей страны, становится все менее доступным.

Учитывая особенности современного человека и его поликультурной среды, можно говорить не о социально интегрированной или социально дифференцированной образной сфере в целом, а о степени ее интегрированности или дифференцированности с социальной общностью. Можно предположить, что и приверженность личности социальной общности для современного человека, скорее, не будет абсолютной, а может быть выражена в относительных показателях и величинах. Уровень социальной интегрированности с данной социальной общностью может быть одним из показателей приверженности ей

и выявляться путем определения соотношения положительно значимо пережитых образов социальной общности и социально дифференцирующих (разобшающих) образов.

Для определения степени приверженности личности социальной общности нам представляется возможным и необходимым введение специального показателя – коэффициента социальной интегрированности образной сферы (I_s), который может быть установлен путем вычисления отношения фиксируемого числа положительно значимо пережитых образов восприятия социальной общности, или социально согласованных элементов образной сферы человека (i_{c+}) к числу социально дифференцирующих элементов образной сферы (i_d). Социально дифференцирующие элементы образной сферы личности могут включать положительно значимо пережитые социально рассогласованные образы (i_n) (или образы других социальных общностей) и отрицательно значимо пережитые социально согласованные образы (i_c). Данный показатель может исчисляться по следующей формуле:

$$I_s = \frac{i_{c+}}{i_d}, \text{ где } i_d = i_n + i_c$$

Можно предположить, что приверженность социальной общности и желание молодых людей строить свою дальнейшую жизнь в пределах своей страны связаны с более высоким коэффициентом социальной интегрированности образной сферы личности. По всей видимости, в возникновении эмиграционного намерения существенную роль играют положительно значимо пережитые образы культуры, природы, социальных особенностей жизни зарубежья и негативно значимо пережитые образы своей страны, что выступает дифференцирующим фактором, разобшающим человека с социальной общностью его рождения и проживания, усиливая риск социально-психологической дезадаптации.

Для проверки выдвинутых теоретических предположений было предпринято исследование с использованием метода структурированного психологического интервью, позволяющего выявлять эмиграционные намерения или желание молодых людей строить свою жизнь в пределах своей страны. Для повышения степени достоверности ответов участие в исследовании было анонимным. С целью определения уровня интегрированности образной сферы личности был специально разработан образно-ассоциативный тест, фиксирующий наличие в образной сфере положительно и отрицательно значимо пережитых образов социальных общностей своей страны и зарубежья. В процедуре тестирования предлагалось представить образы различных аспектов жизни в своей стране и за рубежом и

оценить привлекательность и силу значимости этих образов с помощью субъективной шкалы оценок. Фиксировались отдельно количество положительно и отрицательно значимо пережитых образов восприятия своей социальной общности и число положительно значимо пережитых образов других социальных общностей. Полученные показатели давали возможность определить путем математических вычислений коэффициент интегрированности образной сферы человека с его социальной общностью. Проведенные предварительные испытания позволили установить значение коэффициента корреляции, характеризующего надежность методики, равное 0,81,

что является довольно высоким показателем.

Сравнение средних значений уровня интегрированности образной сферы в разных подгруппах выборки позволило выявить достоверные различия между потенциальными эмигрантами и теми молодыми людьми, которые хотели бы строить свою жизнь в пределах своей страны (рис. 2). Коэффициент социальной интегрированности образной сферы личности наибольшее значение имеет у молодых людей, желающих строить свою дальнейшую жизнь в пределах своей страны ($I_e = 1,75$), а наименьшее – у лиц с намерением эмигрировать безвозвратно ($I_e = 0,53$; $p \leq 0,0$).

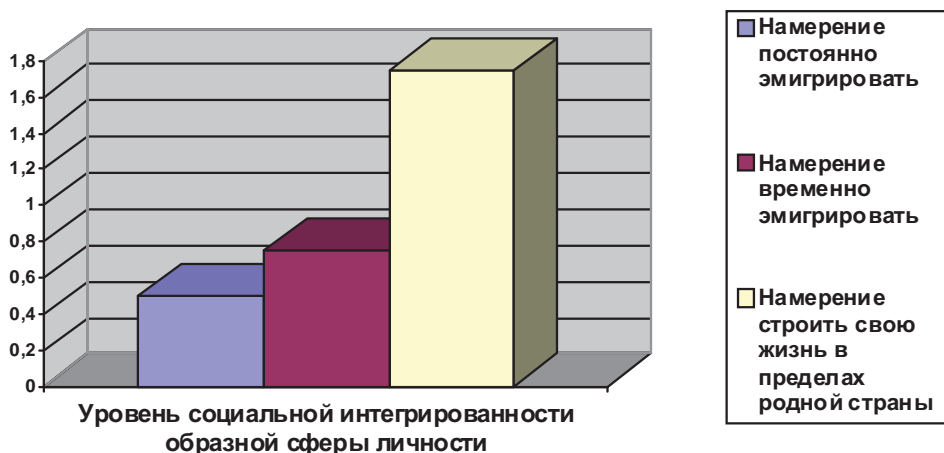

Рис. 2. Уровень социальной интегрированности образной сферы личности в группах с различным отношением к эмиграции

Образная сфера лиц, приверженных своей стране, характеризуется преобладанием положительно значимо пережитых образов своей социальной общности, в отличие от потенциальных эмигрантов, у которых было выявлено наибольшее число положительно значимо пережитых образов зарубежья и негативно значимо пережитых образов своей страны ($p \leq 0,0$); наименьшая привлекательность обобщенного образа своей социальной общности ($p \leq 0,0$) и наиболее выраженное негативное эмоциональное отношение к нему ($p \leq 0,0$); высокая субъективная значимость образа нравственно-психологической атмосферы за рубежом ($p \leq 0,0$); низкая субъективная значимость образа развития науки ($p \leq 0,0$) и образа климатических условий ($p \leq 0,0$), характерных для своей страны.

Возникновение эмиграционного намерения, как показали ранее проведенные нами исследования [15], связано с дефицитом значащего переживания сказочно-мифологических образов родной культуры. Потенциальные эмигранты чаще вспоминают воспринятые в детстве сказочно-мифологические образы, привнесенные из других культур.

Таким образом, наши предположения, касающиеся связи между субъективным образом своей страны и приверженностью личности ее социальной общности, подтвердились. Это также доказывает существование такого фактора в предложенной нами системной модели приверженности личности социальной общности, как социально-психологическое пространство личности, представленного ее образной сферой и значащими переживаниями и действующего наряду с факторами личностных характеристик, ресурсов социальной общности и социокультурной ситуации.

Автор выражает особую признательность сотрудникам лаборатории социальной психологии Института психологии РАН, в частности, А. В. Сухареву, чья этнофункциональная теория в психологии подтолкнула к началу исследований факторов эмиграционных намерений, и А. А. Грачеву за конструктивную обратную связь по отношению к промежуточным результатам данного исследования и предложение идеи рассмотрения эмиграционных намерений в контексте более широкого проблемного поля приверженности личности социальной группе.

Список литературы

1. Becker H. S. Notes on the concept of commitment // *American J. of Sociology*. 1960. Vol. 66, №1. P. 32–40.
2. Ребзуев Б. Г. Четырехслойная модель аффективной преданности : опыт применения на российской выборке // *Психол. журн.* 2006. Т. 27, № 2. С. 44–59.
3. Грачев А. А. Психологическое проектирование производственной организации. СПб., 2008. 189 с.
4. Allen N. J., Meyer J. P. The measurement and antecedents of affective, continuance and normative commitment to the organization // *J. of Occupational Psychology*. 1990. Vol. 63, № 1. P. 1–18.
5. Becker T. E., Randall D. M., Riegel C. D. The multidimensional view of commitment and the theory of reasoned action : A comparative evaluation // *J. of Management*. 1995. Vol. 21, № 4. P. 617–638.
6. *Философский энциклопедический словарь*. 2-е изд. М., 1989. 815 с.
7. Бондырева С. К., Колесов Д. В. Миграция (сущность и явление). М. ; Воронеж, 2004. 296 с.
8. Boneva B., Friese I. H. Achievement, Power and Affiliation Motives as Clues to (E)migration Desires : A Four-Countries Comparison // *European Psychologist*. 1998. Vol. 3, № 4. P. 247–255.
9. Lifton R. J. Understanding the traumatized self // *Human adaptation to extreme stress*. N.Y. ; L., 1988. P. 7–31.
10. Фролова С. В. Представления современной молодежи об эмиграции как успешной жизненной и карьерной стратегии // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Психология. Педагогика*. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 97–100.
11. Ломов Б. Ф. Системность в психологии : избр. психол. тр. / под ред. В. А. Барабанщикова, Д. Н. Завалишиной, В. А. Пономаренко. М. ; Воронеж, 2003. 424 с.
12. Курсак В. А. Переходное общество : наследие, традиции, опыт. М., 1999. 95 с.
13. Бьюкенен П. Дж. На краю гибели / пер. с англ. М. Башкатова. М., 2008. 349 с.
14. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. М., 2002. 557 с.
15. Фролова С. В. Смыслообразующие факторы эмиграционных намерений студентов // *Психол. журн.* 2006. Т. 27, № 3. С. 58–67.
16. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Социально-психологическое пространство личности. М., 2012. 496 с.
17. Гостев А. А. Психология вторичного образа. М., 2007. 512 с.
18. Бассин Ф. В. «Значение» переживания и проблема собственно-психологической закономерности // *Вопр. психол.* 1972. № 3. С. 105–124.
19. Тишков В. А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // *Вопр. социологии*. 1993. № 1. С. 4.

The Model of Individual Commitment Factors to Social Community

S. V. Frolova

The Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., 410012, Saratov, Russia
E-mail: frolovasv71@mail.ru

In this article the author's original system model of factors of individual commitment to a social community of a country has been introduced. The author suggests that the key factor of the given model is the social-psychological space of an individual represented by a person's image sphere and meaningful sense forming feelings. The author also introduces the concept of the level of social integration as one of the important parameters of individual commitment to the social community and describes the image-association test and mathematical toolkit of its measurement. The data of the empirical check of the hypothesis regarding interconnection of individual commitment and the social community with the level of social integration of an image sphere have been given in this work.

Key words: commitment to a social community, the social-psychological space of an individual, level of social integration of an image sphere, meaningful feelings, emigration intentions.

References

1. Becker H. S. Notes on the concept of commitment. *American Journ. of Sociology*. 1960, vol. 66, no.1, pp. 32–40.
2. Rebzuev B. G. Chetyrehsloynaya model affektivnoy predannosti: opyt primeneniya na rossiiskoy vyborke (The four-layer model of affective commitment: experience of application on the Russian sample). *Psikhologicheskij zhurnal* (Psychological journal), 2006, vol. 27, no. 2, pp. 44–59.
3. Grachev A. A. *Psikhologicheskoe proektirovanie proizvodstvennoy organizatsii* (Psychological projection of the industrial organization). St. Petersburg, 2008. 189 p.
4. Allen N. J., Meyer J. P. The measurement and antecedents of affective, continuance and normative commitment to the organization. *Journ. of Occupational Psychology*, 1990, vol. 63, no. 1, pp. 1–18.
5. Becker T. E., Randall D. M., Riegel C. D. The multidimensional view of commitment and the theory of reasoned action: A comparative evaluation. *Journ. of Management*, 1995, vol. 21, no. 4, pp. 617–638.
6. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* (The philosophical encyclopaedic dictionary). Moscow, 1989. 815 p.
7. Bondyрева S. K. *Migratsiya (sushchnost i yavlenie)* (Migration [essence and the phenomenon]). Moscow; Voronezh, 2004. 296 p.
8. Boneva B., Friese I. H. Achievement, Power and Affiliation Motives as Clues to (E)migration Desires:

- A Four-Countries Comparison. *European Psychologist*, 1998, vol. 3, no 4, pp. 247–255.
9. Lifton R. J. Understanding the traumatized self. *Human adaptation to extreme stress*. N.Y.; L., 1988, pp. 7–31.
  10. Frolova S. V. Predstavleniya sovremennoy molodezhi ob emigratsii kak uspezhnoy zhiznennoy i karernoy strategii (Representations of modern youth about emigration as successful vital and career strategy). *Izv. Saratov. university. Nov. ser. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogics*. 2012. vol. 12, iss. 4, pp. 97–100.
  11. Lomov B. F. *Sistemnost v psikhologii: isbrannye psikhologicheskie trudy* (Systemness in psychology: the Elected psychological works). Moscow; Voronezh, 2003. 424 p.
  12. Kursak V. A. *Perekhodnoye obshchestvo: nasledie, traditsii, opyt* (Transitive society: a heritage, traditions, experience). Moscow, 1999.
  13. Buchanan P. J. State of emergency. The third world invasion and conquest of America Edge of destruction. N.Y., 2006. 320 p. (Russ. ed.: Buchanan P. J. *Na krayu gibeli* (At edge of destruction). Moscow, 2008. 349 p.
  14. Toffler A. Future shock. N.Y., 1970. 362 p. (Russ. ed.: Toffler A. *Shok budushchego*. Moscow, 2002. 557 p.).
  15. Frolova S. V. Smysloobrazuiushchie factory emigratsionnykh namereniy studentov (Sense-forming factors of emigratory intentions of students). *Psikhologicheskii zhurnal* (Psychological journal), 2006, vol. 27, no. 3, pp. 58–67.
  16. Zhuravlev A. L., Kupreichenko A. B. *Sotsialno-psikhologicheskoe prostranstvo litnosti* (Social-psychological space of person). Moscow, 2012. 496 p.
  17. Gostev A. A. *Psikhologiya vtorichnogo obraza* (Psychology of secondary image). Moscow, 2007. 512 p.
  18. Bassin F. V. «Znachashchie» perezhivaniya i problema sobstvenno-psikhologicheskoy zakonomernosti («Meaning» experiences and a problem of own - psychological lawness). *Voprosy psikhologii* (Problems of psychology), 1972, no. 3, pp. 105–124.
  19. Tishkov V. A. Etnichnost, natsionalizm i gosudarstvo v postkommunisticheskom obshchestve (Ethnicness, nationalism and the state in a postcommunitistic society). *Voprosy sotsiologii* (Questions of sociology), 1993, no 1, pp. 4.